

Людмила Милославец Посланник Ориона

*В этой тленной Вселенной в
положенный срок
Превращаются в прах человек и
цветок,
Кабы прах испарялся у нас из под ног -
С неба лился б на землю кровавый
поток.*

Омар Хайям

*Семь шагов по Земле...
А судьба словно когти вонзила.
Семь шагов я к тебе не успею пройти.
Ты далеко ушла, и как я не спешил бы,
За туманом веков мне тебя не найти.
Семь шагов по судьбе...
Смерть-невеста уж машет рукою.
Не сумел избежать рокового венца.
Сердце сжалось — я хотел быть с
тобою.
И моя ль в том вина или воля Творца?
Семь шагов до тебя...
Время вышло, я знаю.
Нам разлуки вовек пут знетущих не
снять.
Семь шагов в тишине... в сердце дверь
закрываю,*

*Потому что в судьбе не сумел ничего
поменять.*

Глава 1

Большое поселение Норфолк распласталось старой нестиранной тряпкой на берегу Атлантического океана и одним краем опускалось в его солёные воды. Дома, на любой вкус и достаток, располагались вкривь и вкось, как заблагорассудилось хозяевам. Извилистые улочки, застроенные кое-как, вели к единственному значимому месту города — порту. Здесь было сердце Норфолка. Оно билось, не останавливаясь ни на минуту. Шум его доков не замолкал никогда. Скрип кранов и сходней заглушался протяжными песнями грузчиков. Ругань перемежалась с солёными шутками и смехом. Драки — неистовой пляской матросни и визгом продажных девок из портовых кабаков.

Мне нравилось бывать здесь. Наблюдая за тяжёлой работой докеров, вслушиваясь в их песни и перебранки, я забывал на время о своих переживаниях. Люди, занятые делом, не обращали на меня внимания, а я, находясь среди них, мог учиться контролировать свои вампирские наклонности.

Моим излюбленным местом в порту была таверна мадам Жюмирель. Я приходил сюда, чтобы посидеть среди разномастной публики её заведения «Ржавый якорь». Госпожа Оливия Жюмирель, весёлая, но властная женщина, была вампиром-суккубом родом из Онфлера. В её таверну часто наведывались вампиры, и если бы не железная рука мадам Оли, как её называли посетители, то частые стычки между необычными клиентами могли бы выдать нашу сущность. Она умела усмирить даже необузданных новичков. Её слово было законом для всех.

Увидев меня в первый раз, она всё поняла, и первая за долгое время, поговорила со мной, объяснив, как можно контролировать жажду. Муки, которые я испытывал каждый раз, когда приходил в себя после очередного убийства, были невыносимы. И я метался из города в город, из штата в штат, не зная покоя. Мадам Оли смогла найти слова, заставившие меня принять мою новую сущность. Пусть не смиришься, но всё же понять, что со временем можно научиться перестать ненавидеть себя и весь остальной мир.

Раньше я никогда не задумывался над тем, как питаются обычные вампиры. Я знал, что всеядные могут пить любую кровь. Инкубы и суккубы предпочитают соответственно женскую или мужскую. Зомби же вообще питаются плотью

убитых ими людей. Но то, что у людей кровь разная на вкус и запах, я не догадывался.

У каждого вампира свои предпочтения. Кто-то любит людей постарше — их кровь выдержанная, как старое вино. Кто-то предпочитает помоложе — у них она, как шампанское бурлит и пенится от неукротимых страстей.

У меня тоже есть свои пристрастия — мне нравится кровь молодых благопристойных женщин. Это уже не невинные девушки, но ещё и не многоопытные дамы. Их кровь, перебродившая от томительного ожидания, становится сладкой от чувственных переживаний первых лет замужества. Они трепетны и настороженны, и от этого кровь пьянит, как элитный коньяк.

Прошло несколько лет, прежде чем я научился немного контролировать жажду. Пьяный разгул закончился. Теперь я почти всегда мог укрощать свои страсти. Но пару раз, когда мне встретились женщины с необыкновенно притягательным запахом, я терял самообладание. Это было как наваждение, как удар по натянутым нервам. Впоследствии я даже не мог ясно вспомнить, что со мной происходило. Одурманенное состояние длилось несколько дней, как будто я пребывал в глубоком наркотическом опьянении. Теперь я понимал, о чем говорил Арман больше ста лет назад.

Я вошёл в «Ржавый якорь» и остановился на пороге. Разношёрстная публика была уже изрядно навеселе. Официантки, две молоденькие красивые вампириши, порхали между столиками, обслуживая подвыпивших мужчин и ловко уворачиваясь от их похотливых рук. Табачный дым и кухонный чад повисли под потолком тёмным облаком, колеблясь и двигаясь, как живые. Всё смешалось в шумном пьяном угаре: питье и закуска, вампиры и люди. Многие из людей не доберутся сегодня до дома. Многие из вампиров ночью повеселятся вволю.

— Мишель де Морель, рада видеть вас! — воскликнула мадам Жюмирель и поплыла навстречу мне, покачивая юбками, как бригантина парусами. Ею мощная высокая фигура, затянутая в платье, сшитое по моде семнадцатого века, выделялось ярким пятном на общем сером фоне. — Прошу, ваш столик всегда свободен. — Мадам Оли улыбнулась и протянула мне руку как старому знакомому.

— Мадам, — я склонился к её руке, — рад встрече.

— Давненько вы не заглядывали к нам. Путешествовали?

— Да. Захотелось посмотреть, как живут на другом конце континента. Я был в Русской Америке.

— Ну и как? Их женщины лучше наших? —

мадам Оли выразительно приподняла бровь.

— Там строгие нравы и, значит, вкусы другие, — улыбнулся я.

— Ох, уж эти мужчины! И всё-то вам неймётся, и всё-то вам новенького изведать хочется, — засмеялась хозяйка таверны, — а у меня, кстати, тоже появилось кое-что интересное! Проходите, садитесь, сейчас увидите.

Я сел за столик, стоявший в отдельном, задрапированном бархатными шпорами кабинете. Бойкая официантка тотчас принесла бутылку любимого мною коньяка от «Реми Мартен». Спиртное я пил по старой привычке чистым, не разбавленным кровью. У моих ног устроился Иша. Теперь он не оставлял меня ни на минуту и всюду, как тень, следовал за мной.

В зале слышался тихий шёпот: люди всегда так реагировали на моё появление вместе с Атером и Ишей.

— Чёрный всадник вернулся, — шептались в дальнем углу, — говорят, он служит самому дьяволу.

— Какое там дьяволу! Ты слышал, как он разогнал волчье племя у города Александрия? Оборотни там ещё со времён первых английских портов людей тиранили! — возразил дородный торговец табаком. — Мне кузен рассказывал. У него там табачные плантации и склады.

— Его конь, говорят, по воздуху летает, — шушукались за другим столиком, — моя сестра видела, как он с места сорвался, взлетел и пропал в облаках! Вот чудеса-то!

— Когда он подъезжает к коновязи, все лошади просто с ума сходят, — слышалось из другого угла таверны.

Я с равнодушным видом, как будто меня это не касалось, достал из кармана письмо, которое дожидалось моего возвращения в местном почтовом отделении, и стал читать.

Тъери писал, что наш клан собирается переехать в Америку. Во Франции становилось всё более беспокойно. Безработица и голод заставляли людей поднимать бунты, и Тибальд опасался за безопасность близких.

Я задумался. Мне очень не хватало тёплого, дружеского отношения семьи. Друзья и на этот раз не отвернулись от меня. Они приняли мою новую жизнь так, как могут принять её только очень близкие люди: без упреков и ненужных сожалений. Сейчас я был ещё неуравновешен и опасен для них, но они все ждали моего возвращения. Я тоже ждал.

Орианна давно вернулась на корабль Олиффа О'Байла. Арс исчез, как только я покинул Париж. Он не мог больше сопровождать меня — инкубы одиночки, они не терпят других вампиров, видя в них соперников.

В зале зазвучала музыка: у мадам Оли играл неплохой гитарист, выходец из Испании Валеско Солис. Мне нравились песни в его исполнении, и это тоже было причиной для моего частого посещения таверны.

Но неожиданно вместе Солисом и ещё двумя музыкантами в зал вышла молодая красивая девушка. Черные вьющиеся волосы густым водопадом струились по обнажённым плечам, оттеняя её белоснежную кожу. Тонкие брови врзлёт, алые губы, в глазах скачут бесы. Зал взревел, бешено стуча ногами по полу.

Девушка, одетая в наряд испанской цыганки, запела, красиво передвигаясь между столиками. Она была прирождённой актрисой. Подходя к посетителю, она, казалось, пела только для него одного, но потом отворачивалась и пела для другого. Мужчины, как замороженные, следили за каждым её движением.

Певица исполняла весёлую английскую песенку, но на свой, цыганский, манер:

Вернулся мельник вечером
На мельницу домой
И видит: конь под чепраком
Гуляет вороной.

— Хозяйка, кто сюда верхом

Приехал без меня?
Гуляет конь перед крыльцом,
Уздечкою звеня.

Гуляки дружным хором подхватили припев:

— Гуляет конь, ты говоришь?
— Гуляет, говорю!
— Звенит уздечкой, говоришь?
— Уздечкой, говорю!

Девушка, взмахнув краем яркой юбки, подбоченилась и, подмигнув, продолжила:

— С ума ты спятил, старый плут,
Напился ты опять!
Гуляет по двору свинья,
Что мне прислала мать.

Присев у столика, за которым устроились торговцы табаком, она вместе со всеми пропела припев:

— Прислала мать, ты говоришь?
— Прислала, говорю!
— Свинью прислала, говоришь?
— Прислала, говорю!

— Свиной немало я видал,
Со свиньями знаком,
Но никогда я не видал
Свиньи под чепраком!

И вновь цыганка, играя юбкой, пошла между
столиками:

Вернулся мельник вечерком,
Идёт к своей жене
И видит новенький мундир
И шляпу на стене.

— Хозяйка, что за командир
Пожаловал в мой дом?
Зачем висит у нас мундир
И шляпа с галуном?

— Побойся бога, старый плут,
Ни сесть тебе, ни встать!
Мне одеяло и чепец
Вчера прислала мать!

Мужчины, подняв кружки, дружно
подхватили:

— Чепец прислала, говоришь?
— Прислала, говорю!

— И одеяло, говоришь?

— Прислала, говорю!

— Немало видел я, жена,

Чепцов и одеял,

Но золотого галуна,

На них я не видал!

Девушка ловко повернулась и, застучав каблучками, исполнила несколько танцевальных движений, затем продолжила песню:

Вернулся мельник вечером,

Шагнул через порог

И видит пару щегольских

Начищенных сапог.

— Хозяйка, что за сапоги

Торчат из-под скамьи?

Свои я знаю сапоги,

А это не мои!

— Ты пьян, как стелька, старый плут!

Иди скорее спать!

Стоят под лавкой два ведра,

Что мне прислала мать.

— Прислала мать, ты говоришь?

— Прислала, говорю!

— Прислала ведра, говоришь?

— Прислала, говорю!

— Немало вёдер я видал

На свете до сих пор,

Но никогда я не видал

На вёдрах медных шпор¹!

Последние слова песни утонули в громком свисте и хохоте зала.

— Ратри, танцуй! — кричали возбуждённые мужчины, — танцуй, Ратри! — И под ноги красавицы полетели золотые и серебряные монеты.

Я с интересом наблюдал за девушкой. Ратри — «ночка», так переводилось её имя. И она, черноволосая и черноглазая, таинственная и влекущая, оправдывала своё имя.

Музыканты заиграли кастильскую сегидилью. Это был озорной, буйный танец, а в исполнении цыганки он превратился в увлекательный сладострастный спектакль. Зал неистовствовал, танцовщица полностью завладела его вниманием. Лица мужчин налились кровью, их глаза горели

¹ Перевод — С. Я. Маршак.

лихорадочным, накалённым возбуждением.

Я невольно подумал, что столкнулся сейчас с животной, ничем не прикрытой человеческой натурой. Мужчины, захваченные азартным безумием, погружались в игру танца и любви, в чувственное, доходящее до лихорадочного исступления похотливое возбуждение, и их нервы напряглись до предела.

Не привлекая к себе внимания, я наблюдал, как вампиры присматривают себе добычу. Такая накалённая до неистовства атмосфера как нельзя лучше подходила для этого. Сердца людей колотились с дикой силой, разгоняя по венам горячую, взбудораженную кровь. Вампиры ждали, как ждёт хороший повар, когда блюдо поспеет, прежде чем подать его на стол.

— Браво, браво! — неслоь со всех сторон, когда смолкла музыка и цыганка застыла в последнем движении, высоко подняв голову.

— Ещё! Танцуй ещё! — кричали зрители, кидая к ногам красавицы деньги.

— Фламенко, Ратри! Танцуй фламенко! — крикнул сидящий у подмостков вампир.

Девушка, не отвечая на крики и комплименты, быстро удалилась из зала.

Музыканты сидели, лениво перебирая пальцами струны гитар. Они играли монотонно и преувеличенно отрешённо, словно происходящее в

зале их совершенно не касалось. Сигары, торчащие изо рта, сыпали пепел на их яркие одежды.

Через несколько минут цыганка вернулась на постамент под оглушительные крики и аплодисменты. На ней было другое платье. Оно плотно обтягивало её стройное тело, но юбка, расширявшаяся к полу, была сшита из красного материала в белый горошек и украшена понизу широкими оборками и воланами. На её бёдрах была затянута белая в красных розах шаль.

То, как Ратри встала, слегка откинувшись назад и приподняв голову, как сложила руки, какая грация была в её позе, осанке, неожиданно навело меня на мысль, что эта девушка не может быть простой цыганкой. Во всем её облике было столько благородства, что чистота её крови говорила сама за себя.

А танцовщица замерла, стоя с полузакрытыми глазами, как будто ожидая чего-то. Гитаристы продолжали негромко наигрывать, красиво перебирая аккорды. Я с интересом смотрел на девушку, стараясь предугадать, что же будет дальше. Публика, притихшая поначалу, стала нетерпеливо хлопать и стучать ногами в такт музыке, но цыганка оставалась неподвижной и абсолютно безучастной.

И вдруг взлетели руки, щёлкнули кастаньеты, и музыка бешеным темпом помчалась вслед за ней,

когда она сорвалась в танце.

Зал замер. Ни малейшего звука, ни одного движения среди зрителей, пока она неслась в стремительном танце. Только звон гитар и перестук высоких каблучков. Неожиданно остановившись, танцовщица, изогнувшись, и почти не двигая широко разведёнными руками, в которых слегка потрескивали кастаньеты, начала медленно кружиться. Мужчины, затаив дыхание, смотрели на тонкий изгиб ее юного тела, на манящие, возбуждающие движения.

И не было сил оторваться, отвести взгляд!

Но вот перебор струн становится всё стремительнее, быстрее, сухой треск кастаньет становится всё яростнее, жгучее, и танец Ратри всё ускоряется и ускоряется, преисполняясь огромной соблазнительностью и энергией, чудесным и редкостным ароматом древней страсти.

И снова сжались руки мужчин, и прервалось дыхание!

Но вдруг её тело становится на несколько мгновений неподвижным — лишь слышен лёгкий перестук каблучков, а руки всё так же выплывают в воздухе неспешные узоры. И всё время в ее подвижных руках поют, звеня серебряными колокольчиками, звонкоголосые кастаньеты...

... И снова сорвалась она в неистовство, изгибаясь, кружась, оборачиваясь. Цыганка была

похожа на богиню любви, сошедшую с небес. Вихрем пламенной пляски она отменила и уничтожила все существующие законы.

И вдруг, когда возбуждение зала достигло предела, звон гитар оборвался, девушка застыла, точно статуя древней богини. Несколько мгновений в таверне стояла оглушительная тишина. Затем разгоряченная толпа взорвалась громогласным рёвом.

Оставив деньги на столе, я поспешно вышел на улицу. Ночной бриз гнал в сторону океана застоялый воздух города. Я остановился у большого дерева и прислонился к нему спиной. Угар лихорадочного опьянения не отпускал меня.

— Дьяволица, — думал я о цыганке, — никакая человеческая женщина не способна на такое! Но она и не вампир!

Постояв немного, я медленно побрёл вдоль улицы. Я не был голоден, но взвинченные до предела нервы требовали разрядки. Мне сейчас было всё равно, как это сделать: ввязаться в драку с вампиром или убить задиристого прохожего.

Проходя мимо высокого забора, я услышал стук сердца и печальный вздох. Не раздумывая долго, я перепрыгнул через ограду и оказался в большом ухоженном саду. В его глубине виднелся богатый двухэтажный дом.

На втором этаже у раскрытого окна стояла

девушка. Она мечтательно смотрела на луну и думала о том, что с наступлением бального сезона ей предстоит первый выезд в свет. В романтических грёзах девушке виделся красивый молодой офицер, который влюбится в неё с первого взгляда. Он сразу же сделает ей предложение, и отец не сможет ему отказать, потому что наречённый будет очень богат и знатен. Жених увезёт её в большой город, где у него, несомненно, есть прекрасный дом и много слуг.

Девушка мечтательно улыбнулась и вздохнула. Задёрнув занавес, она повернулась... и встретилась с чёрным взглядом моих горящих страстью глаз...

Глава 2

Утро застало меня далеко в горах Аппалачи. Я долго бродил среди их первозданных лесов, купался в ледяных озёрах и старался не думать о красавице-цыганке. Но это плохо удавалось. Юная девушка, залюбленная мною до смерти и опустошённая до капли, тоже не выходила из головы.

Наконец, измученный самоедством и разозлённый на самого себя, я твёрдо решил больше никогда не ходить в эту проклятую таверну. Но едва вечер опустился на землю, я уже стоял на

пороге «Ржавого якоря». И вновь: бешеный танец, дерзкие и чувственные руки, каскад пышных волос, блеск гипнотических глаз, первобытная искренность эмоций, музыка, разрывающая душу! Невероятное, магическое притяжение юной танцовщицы снова заставило моё неживое сердце дрожать и волноваться.

С тех пор каждый вечер я сидел за своим столиком и неотрывно следил за Ратри. Я не мог прочесть её мысли, но это только усиливало моё к ней притяжение. Мне хотелось разгадать тайну её непреодолимого на меня влияния. Меня манило сиянье её бездонных глаз, когда она, отрешаясь от всего мира, самозабвенно кружила в танце. Они светились таким восторгом и счастьем, безумием и страстью, что я забывал на время о тяжести оков, что сковали моё сердце ледяным захватом, о том, что мне не суждено больше любить и быть любимым. О тягостном одиночестве, что гонит меня по земле, как перекасти-поле.

Поначалу, когда я смотрел на танцующую девушку, мне хотелось выпить всю её кровь. До последней капли. Но что-то удерживало меня от рокового шага. Оставаясь в одиночестве, я давал себе слово прекратить это безумие, но снова и снова возвращался к ней. Затем мне уже расхотелось её убивать. Я лишь страстно желал сжимать в объятиях, ощущать её тело, любить до

самозабвения. Я был готов сразиться со всеми вампирами, которые приходили посмотреть на нее. Меня раздирало невыносимое чувство ревности к тем мужчинам, что сидели и глазели на нее. Я наблюдал за ними, стараясь выявить своего счастливого соперника, но цыганка, казалось, никому не отдавала предпочтения. Она всё так же кружила по залу, присаживалась то к живым, то к вампирам, и я не заметил ни одного тайного знака или намёка на влюблённый взгляд.

Тогда я стал подстерегать её после выступления, стоя за углом таверны. Я хотел узнать, кто провожает её. Но как ни старался, так и не смог выяснить, когда же она покидает заведение мадам Оли. Официантки, с которыми я заводил разговор о Ратри, отшучивались или делали такие круглые глаза, как будто я спрашивал что-то совершенно неприличное. Решив узнать о девушке у самой хозяйки таверны, я вспомнил, что уже несколько дней не видел её, что было совсем не в её правилах: она любила лично приглядеть за порядком в зале.

Тревожное чувство надвигающейся опасности толкнулось в груди. Безумная страсть так поглотила меня, что последнее время я не замечал ничего вокруг себя. Я посмотрел на Ишу. Он сидел у моих ног, напряжённо наострив уши и подрагивая кончиком хвоста, что было явным признаком

беспокойства. Внимательно приглядевшись, я понял, что в зале не хватает нескольких вампиров-завсегдатаев, которые никогда не пропускали выступление цыганки.

Прежде Ратри не уделяла мне ни малейшего внимания. Она танцевала и пела, кружась по залу и присаживаясь к столикам, но ни разу даже не взглянула в мою сторону. Сегодня случилось что-то невероятное. Как только она взошла на сцену и запела, её взгляд неотрывно следил за мной. В глазах было столько мольбы и отчаяния, что я сразу понял: ей грозит опасность!

Ратри танцевала, кружа по залу и постепенно приближаясь к моему столику. Взмахнув краем юбки, она взглянула на меня и незаметно уронила клочок бумаги под занавес кабинета. Умирая от нетерпения, я едва высидел до конца её выступления, чтобы не привлечь внимания, а затем поспешно, по своему обыкновению, ушёл из таверны. Выйдя на улицу, я тотчас развернул записку.

«Господин де Морель, умоляю Вас, немедленно уезжайте из Норфолка. Я знаю кем Вы являетесь и Вам грозит опасность! Мне, увы, уже нельзя помочь, но Вы ещё можете спастись.

Непрестанно думающая о Вас, Ратри.»

Радость от её признания (она думает обо мне) смешалась с острой тревогой — она в опасности!

Нужно немедленно что-то предпринять. Но что? Если бы я хоть знал, от кого исходит угроза! Ночью Ратри не покидает таверны и в номерах не остаётся — это я выяснил точно. Значит, она уходит утром. Нужно дождаться утра и узнать, куда она отправляется. Я осмотрелся: вокруг таверны была обширная рыночная площадь. Спрятаться негде. И вдруг мне в голову пришла замечательная идея.

Я подъехал к «Ржавому якорю», когда часы на башне пробили полночь. В таверне было как всегда шумно. Ратри пела весёлую песню о моряках, но я мог поклясться, что голос её при этом был грустным. Не останавливаясь, я на всем скаку ворвался в зал и подхватил девушку на руки. Её запах ворвался в мои лёгкие, и я на миг потерял способность думать, но Атер, к счастью, взвился на дыбы и рванулся к выходу. Через миг мы были уже на улице. За нашими спинами слышались выкрики, брань, свист и выстрелы. Я задержал дыхание и отстранился от девушки как можно дальше. Ещё через несколько минут Атер остановился у моего тайного дома, стоявшего в густом лесу на берегу Атлантического океана.

Я соскочил с седла, всё ещё не дыша, бережно опустил Ратри на землю и поспешно отошёл в сторону. Её близость заставляла моё сердце дрожать от радости и желания, но неожиданно для себя я понял, что не сделаю ей ничего плохого.

Долгие посещения таверны, наблюдения за девушкой, мои переживания сделали своё дело — я научился сдерживать свои вампирские порывы. Я медленно вдохнул. Её запах вскружил голову, но усилием воли я заставил себя не поддаваться искушению.

Иша показался из дверей дома и, подбежав к девушке, ткнулся в её юбку носом. Но неожиданно оскалившись, он отскочил в сторону и припал к земле.

— Иша, прекрати сейчас же, ревнивец ты этакий! — взмахнул я рукой на пантеру. — Что это с тобой?

Иша обиженно рыкнул и, отвернувшись, не спеша направился к дому.

— Проходите, Ратри, здесь вам ничего не будет угрожать.

Ратри опасно посмотрела вслед Ише и нерешительно опустила голову. Я подошёл к ней. Она была такой маленькой, что её голова едва достигала моего плеча. Тоненькая фигурка в пышном цыганском наряде, смоляные волосы, рассыпанные по плечам. Девушка казалась такой беззащитной и хрупкой, такой доверчиво-мягкой, что у меня появилось острое желание защитить её от всех невзгод.

— Ратри, — позвал я негромко, — клянусь, вам больше никто и никогда не причинит зла. Я не

позволю этому случиться. Вы верите мне?

— Да, господин, я верю вам, — девушка присела в реверансе, не поднимая головы.

Я был потрясён: она приняла меня за одного из тех мужчин, что позволяют себе относиться к женщине как к рабыне.

— Ратри, — я осторожно притронулся к её руке. Она подняла голову и взглянула на меня. В её взгляде было столько чувства, что мне стало не по себе. Её глаза говорили о безграничном доверии, таком по-детски чистом и невинном, что мой голос неожиданно осёкся, — запомните, в этом доме вы в безопасности.

Я вдруг подумал, что она совсем ещё ребёнок, несмотря на то, чем ей, возможно, пришлось заниматься. И мне стало так стыдно за свои тайные желания, что спазм перехватил горло.

— Сколько вам лет? — спросил я хрипло, убирая руку.

— Шестнадцать, но мой хозяин заботился обо мне, и я выгляжу моложе, — ответила девушка.

— Вы цыганка? Как вы попали к своему хозяину и кто он?

— Я испанка, но меня с колыбели воспитывали цыгане. Мои родители умерли, когда я была ещё младенцем, и меня воспитал цыганский табор. Приёмная мать говорила, что в смерти моих родителей скрыта какая-то тайна и что мне ещё

предстоит её узнать. Но однажды на наш табор напал вампир и всех истребил, осталась только я. Хозяин сказал, что моя кровь особенная и он охотился за мной много лет. Он говорил, что моя кровь столь чистая и древняя, что позволяет ему заглядывать в далёкое прошлое. Я не знаю, что он имел в виду, но он очень берёт меня и пользовался моей кровью крайне редко.

— Как же берег, — буркнул я, — и выставлял напоказ перед сборищем пьяных мужиков.

— Нет, он добрый, ... по-своему. Я сама уговорила его дать мне возможность танцевать. Танец — единственное, что утешает меня. После танца моя кровь становится особенной. Он знает это и поэтому изредка разрешает мне танцевать. Мы часто переезжали, и иногда я выступала в тавернах.

— Вы написали, что мне грозит опасность. Какая?

— В Норфолке объявился охотник.

— Охотник?

— Да. Чёрный Охотник. Мой хозяин давно знает о нём. Как только он пришёл, хозяин сбежал, а меня оставил на время — так безопаснее и для меня, и для него.

— Ничего не понимаю. Как это может быть безопасней? — признался я.

— Я тоже не знаю, но так случилось уже

несколько раз. Хозяин сбегал, я оставалась, а через пару недель охотник, подчистив местечко, уходил, и хозяин возвращался за мной.

— Почему же вы не скрывались от хозяина?

— А куда мне идти? У меня никого нет. И он не обижал меня.

— Как же «не обижал» — а кровь?

Девушка пожала плечами:

— Так он же не часто брал её, и потом, другим в рабстве приходится намного хуже моего, — Ратри повернулась и протянула руку к Атеру.

— Погодите, это опасно! — воскликнул я, — Он никого не подпускает к себе.

Но огромный жеребец сам потянулся навстречу девушке и уткнулся в её ладонь бархатными губами. Девушка потрепала его по загривку, запустила пальцы в шелковистую гриву, нащёптывая что-то на ухо. Я стоял, поражённый этой сценой.

— Я люблю лошадей, и он это почувствовал. Он никогда не обидит меня. Верно, мой друг? — Ратри ещё раз погладила коня по длинной изогнутой шее.

— Прошу вас в дом, — пригласил я девушку, — проходите. Джек приготовил вам комнату, но прошу извинить нас, мы старые холостяки и не очень разбираемся в том, что нужно

для юной леди.

— Ратри удивлённо взглянула на меня:

— Леди? Вы считаете меня равной себе?

— Конечно! — воскликнул я искренне, — я с первого взгляда увидел, что вы не принадлежите к цыганскому роду, а ваш рассказ только подтвердил мои догадки. Я обещаю вам, Ратри: мы разгадаем тайну вашего рода. Девушка улыбнулась и согласно кивнула головой.

Как только мы подошли к двери, Иша сел у входа и настороженно зарычал.

— Не бойтесь, проходите, он не приблизится к вам, — сказал я и отпихнул пантеру ногой, — на него иногда находит, но он не злой, он всё понимает и скоро успокоится.

Джек встретил нас за порогом дома и, поклонившись девушке, провёл к комнате, подготовленной для нее. Вчера мы постарались устроить всё как можно лучше. Я привёз из Нью-Йорка необходимые для молодой леди вещи, собранные владелицей магазина «Для дам» по моей просьбе. Коробки с модными платьями, шляпками и прочим стояли на её кровати.

— Отдыхайте, сеньора Ратри, спокойной ночи, — тихо проговорил я и склонил голову, прощаясь.

— Спасибо вам, месье Мишель, — так же тихо ответила она и прикрыла за собой дверь.

Я повернулся и быстрым шагом направился к входной двери.

— Иша, иди за мной, — бросил я пантере, как только увидел его, всё ещё сидевшего на пороге, и прошёл вглубь парка, разбитого вокруг дома. — Объясни, какого чёрта ты вытворяешь? — проговорил я, присаживаясь на скамью, сделанную из ствола поваленного дерева.

Иша уселся рядом, посмотрел на меня своими голубыми, как небо, глазами и моргнул.

— Ну что моргаешь? Что за причуды? В русской общине вёл себя как идиот, не дал мне притронуться к той девчонке, отпихивал, как мог. В чём дело? Занялся моим воспитанием? Ну, хорошо, там я понимаю: жалко стало новобрачную. А что здесь? По-твоему я не могу ухаживать за понравившейся мне девушкой?! Я ведь не собираюсь ею пообедать! В этот раз я сдержусь, чего бы это ни стоило. Будь уверен! Но так, я думаю, будет лучше для всех. Она мне нравится, Иша. Я одинок, она тоже. Ей некуда идти, я же могу дать ей всё: кров, защиту, семью, наконец! В конце концов, почему мои друзья могут иметь семью, а я нет?! Почему? Ты можешь мне сказать? — Я раздражённо встал и заходил по дорожке. Иша сидел и только следил за мной, поворачивая голову. — Молчишь?! Вот и молчи дальше! Кстати, Атер её одобрил! Так что не пугайся под ногами!

Понял?!

Иша рыкнул, приподнявшись на задних лапах, и смешно взмахнул передними. Это было так похоже на всплеск руками, что я не удержался и, улыбнувшись, присел перед ним.

— Иша, ты же знаешь, что происходит. Прошло почти десять лет с тех пор, как я отпустил Диану. Я старался забыть её, но из этого ничего не вышло. Я топил грусть в вине, старался расцеловать любовь по чужим постелям, но всё напрасно. Никакие жаркие объятия не смогли согреть мою холодную душу. Даже совершенные безумства не помогли стереть память о ней. Мне всё ещё больно. А Ратри... она единственная, кто смог заставить моё сердце биться сильнее. Так разреши мне попробовать наладить свою жизнь.

Иша сердито зарычал, не принимая мои доводы. Я повернулся и пошёл к дому. Он остался сидеть у скамьи.

С самого утра следующего дня моя жизнь круто изменилась. Дом наполнился весельем и суматохой. Освоившись, Ратри взяла управление нашим холостяцким жилищем в свои руки. Вместе с Джеком, уже изрядно постаревшим, перевернула весь дом и через несколько часов упорной работы, смешанной со смехом, песнями и шутками, он заблестал идеальной чистотой и тем непередаваемым уютом, который бывает только

там, где царит опытная хозяйка.

Прошло всего пару дней, а Ратри уже стала неотъемлемой частью моего существования. Джек, одинокий старик, так привязался к девушке, что тайно в мыслях называл её дочкой. Она могла по нескольку часов сидеть рядом с ним и рассказывать смешные и грустные истории. Я не мешал им, устроившись неподалёку и наблюдая за девушкой, всё больше проникался мыслью о создании семьи. Ратри, смущавшаяся поначалу в моём присутствии, вскоре привыкла и теперь смотрела на меня без опаски. Я же удивлялся той перемене, что произошла с ней. В таверне она была совсем другой. Там была богиня любви и танца, умеющая укротить любого, даже самого грубого из мужчин. Здесь же была кроткая и милая девушка, далеко не простушка, но знающая себе цену юная леди. Именно леди, со всем присущим ей благородным достоинством. В её облике, осанке, разговоре, повороте головы и взмахе тонкой кисти было столько изящества и возвышенности, словно она всю жизнь провела в высшем обществе. Платье, сшитое по последней моде, и высокая причёска как нельзя лучше подходили ей. Сейчас мне даже с трудом верилось, что я видел её когда-то в простом цыганском одеянии.

Единственное, что огорчало меня, так это поведение Иши — он никак не хотел смириться с

Ратри, и моё острое постоянное желание её крови. Я надеялся, что это пройдёт, как только я свыкнусь с её присутствием, но чем дольше она была рядом со мной, тем тяжелее мне становилось. Чтобы смирить себя, я уезжал на несколько дней, но от этого становилось только хуже. Мне не хватало Ратри, как воздуха. Я не мог подолгу оставаться вдали от неё и не мог находиться рядом с ней. Я мучился, становясь мрачнее день ото дня.

— Сеньор Мишель, мне очень хочется прогуляться на вашей яхте. Как вы думаете, это возможно устроить? — спросила однажды Ратри.

— Конечно, я с большим удовольствием прокачу вас. Вам, наверное, крайне скучно здесь? Если пожелаете, мы можем тотчас отправиться в путешествие.

— О, нет, что вы, — воскликнула Ратри, — у вас очень славно! Сказать по правде, я устала от постоянных переездов и сейчас наслаждаюсь отдыхом. Я так вам благодарна, господин Мишель, вы даже представить себе не можете, как мне здесь хорошо.

— Я чрезвычайно рад служить вам, сеньора, — склонил я голову, — прошу, не стесняйтесь и приказывайте мне всё, что вам захочется, и я клянусь с радостью исполнить все ваши пожелания.

Ратри улыбнулась и подала руку:

— Вы мой рыцарь-спаситель, я не смею приказывать, могу лишь просить.

Я прикоснулся губами к её маленьким пальчикам и, зажмурившись от отчаяния, быстро отпрянул в сторону. Её запах сводил с ума. Если так будет продолжаться, мне придётся расстаться с Ратри, и это будет самым чёрным днём последних лет моей жизни.

На причале, у самого трапа, сидел Иша. Он смотрел на меня, и в его глазах был немой укор. Ратри неуверенно остановилась, не решаясь приблизиться к пантере.

— Иша, пропусти, — я подошёл к нему и подтолкнул рукой. Но он только рыкнул, показав острые зубы, и уставился на девушку злобным взглядом.

— Мне это надоело, ты понял? — прошептал я сердито ему на ухо. — Пошёл отсюда прочь или я оттащу тебя за хвост, паршивый кот!

Иша поднялся и, не спеша, с достоинством направился к лесу. Я оглянулся. Его одинокая фигура кольнула сердце запоздалым раскаянием, но я отогнал это чувство: тоже мне нянька.

Свежий бриз весело мчал маленькую прогулочную яхту вдоль берега. Она, как босоногая девчонка, с лёгкостью перескакивала с волны на волну, и перед нашим взором открывалась величественная и прекрасная картина крутых

берегов, покрытых непроходимыми первозданными лесами.

Ратри сидела у борта и с восхищением смотрела на окрестности.

— Я так вам благодарна, сеньор Мишель, вы даже представить себе не можете. Ведь такое происходит впервые в моей жизни. Здесь, с вами, я чувствую себя по-особенному, не как пленница или наложница. Мне так легко и свободно, что одновременно хочется плакать и смеяться, — Ратри подняла на меня свои огромные чёрные глаза, полные неприкрытой нежности, — расскажите мне о себе, если это возможно, конечно, — тихо попросила она. Я почти ничего не знаю о вас. Люди по-разному вас называют. Кто чёрным всадником, истребляющим нечисть, кто пособником дьявола, и приписывают вам всяческие зверства. Я же, признаться, не могу понять, кто вы, Мишель. Вы внезапно исчезаете на несколько дней, а вернувшись, ничего не рассказываете, только молчите и смотрите. Мне порой бывает неуютно от вашего взгляда.

— Вам не нужно бояться меня, Ратри, — грустно проговорил я, — я не причиню вам вреда, но вы правы в одном: вы ничего не знаете обо мне. Я одинокий путник, бредущий по бесконечной дороге жизни, не знающий ни её цели, ни смысла. Когда-то у меня была цель, хоть как-то

оправдывающая мою не нужную никому жизнь. Но я растерял всё по дороге, не смог сберечь этот драгоценный дар, призывающий к действию. Теперь я остановился и стою на распутье. И куда бы я ни кинул взгляд — кругом пустота. Мне некуда больше идти и не за что бороться.

— А ваши друзья? Что они думают по этому поводу?

— Мои друзья — большие оптимисты, — усмехнулся я, — они всё ещё верят в меня и ждут, когда я вернусь.

— Быть может, они правы? С расстояния предметы видны лучше, и души людей — тоже. Они верят в вашу честность и смелость. В вашу способность идти вперёд, не оглядываясь на совершенные ошибки. У всех бывают промахи, но не все способны вынести из них урок. Мне кажется, что вы не сможете долго оставаться в стороне. Рано или поздно вы вернётесь на отринутый путь, но тогда перед вами встанет новая и нелёгкая задача — выбрать направление.

— Простите? Но мне кажется, что как раз с выбором-то и не будет проблем.

— Я так не думаю. Прежний путь не всегда верен, он может завести в тупик. Иногда полезно остановиться и, оглянувшись, понять, куда ведёт старая дорога.

— О чем вы, Ратри? — я с интересом взглянул

на девушку.

Она улыбнулась и ответила:

— Вы забываете, что я воспитывалась в цыганском таборе, сеньор Мишель. Я умею заглядывать в будущее.

— Поясните, прошу вас.

— Ой! — воскликнула неожиданно Ратри и подняла руку. На её запястье показалась кровь. — Я нечаянно порезала руку о канат! Помогите мне, Мишель!

Но я замер в отчаянии. Запах крови уже проник в моё сознание. Она оказалась настолько притягательной, что я чувствовал: ещё один миг, и я потеряю самообладание. Из рта показались клыки, и я со всей силы стиснул зубы, стараясь остановить их рост. Когти, вырастая, вонзились в сжатые ладони и погружались всё глубже, разрывая кожу.

Девушка посмотрела на меня, я увидел страх и растерянность в её глазах. Она отпрянула и, не удержавшись, упала в воду. Я бросился к борту — океан был пуст. Яхта, потеряв управление, развернулась и застыла против ветра. Не медля, я бросился в воду. Нырнул, сильно загребая руками. В зелёной толще воды я увидел тёмный силуэт, он медленно опускался на дно. Несколькими мощными движениями я догнал Ратри и, подхватив её, взвился к поверхности.

— Не надо, не покидай меня, — молил я в отчаянии, — я не смогу пережить и твою смерть! Ратри, вернись ко мне, — кричал я молча, быстро плывя к берегу.

Шляпа слетела с головы, и солнце нещадно жгло лицо, но я не обращал внимания на эту боль. Моё сердце от страха за девушку болело сильнее.

Подхватив на руки, я вынес её на пустынный пляж и положил на песок. Её сердце не билось. Я повернул безвольное тело набок и осторожно нажал на грудь, выдавливая воду из лёгких. Затем, зажав нос, прильнул ко рту и выдул в нее воздух.

— Давай же, Ратри, дыши! — прокричал я в отчаянии. — Дыши!

Я надавил несколько раз на область сердца, призывая его к жизни.

— Не сдавайся, Ратри, не смей! Ты должна жить! Пожалуйста, ради меня, Ратри, прошу! — приговаривал я, задыхаясь от страха и отчаяния.

И, как будто в ответ на мой призыв, её сердце дрогнуло. Стукнуло раз, другой, запнулось на миг и забилось ровно и сильно. Девушка вдохнула воздух и закашлялась.

— Ратри, не спеши. Дыши медленно. Солёная вода обожгла твоё горло и лёгкие. Давай я отнесу тебя домой. Я бережно поднял её, такую маленькую, лёгкую, как пёрышко, и помчался к дому, перелетая на бегу через все преграды.

Вечером, постучавшись в дверь её комнаты, я услышал тихий голос:

— Войдите.

Я вошёл и нерешительно остановился у двери:

— Ратри, мне очень жаль. То, что сегодня случилось, ... мне нет оправдания.

— И в чём же вы виноваты? — девушка приподняла голову от подушки и удивлённо взглянула на меня.

— Как в чём?! Там, на яхте, я едва не убил вас! — воскликнул я растерянно. — Из-за меня вы чуть не утонули. Ратри, я должен вам сказать... мне уже давно следовало это сделать, но я всё медлил, и вот, что из этого получилось, ... я хотел сказать, что... — я запнулся, последние слова никак не хотели слетать с губ.

— Мишель, — девушка подняла руку, — прошу, присядьте. Давайте поговорим. Всё, что произошло на яхте не ваша, а моя вина — я должна была помнить об осторожности. Кому, как не мне знать, какое действие производит моя кровь на вампиров? Поверьте, моя кровь — мой бич. Я вам не всё рассказала и виню себя за это. Вы думаете, почему мой хозяин всё время переезжал с одного места на другое? Да потому, что охотились не только за ним, но и за мной! Он убегал от охотников на вампиров, я от вампиров, охотившихся за мной. Моя кровь особенная, она не

только позволяет проникать в прошлое, что далеко не всем нужно, она ещё и на время возвращает человеческие способности.

— Я не понимаю.

— Вампир, выпивший её, способен избавиться на время от тяги к человеческой крови. Он может быть близким со смертным и не убивать при этом. Он становится способным к нормальной жизни, не бояться солнечных лучей и выходить на улицу днём. Правда, это длится недолго: всего неделю или около этого, но всё же, согласитесь, это тоже немало. Всего пара капель моей крови способна произвести такое невероятное воздействие на организм вампира. Хозяин проводил с ней опыты. Он хотел найти лекарство от вампиризма.

— Это невероятно! — воскликнул я изумлённо.

— Да, конечно, но, к сожалению, это ещё не всё. Дело в том, что если вампир хотя бы раз попробует её, то навсегда становится зависимым. Он уже не сможет без нее обходиться. Да и мне, ... — она замолчала нерешительно.

— Что?

— Это всё очень сложно, ... и мне самой не всё до конца понятно, но ... мне тоже приходится пить кровь вампира, — проговорила она едва слышно.

— Почему?!

— Я не знаю! Хозяин говорил, что это взаимовыгодный процесс — симбиоз, кажется. Мой организм быстро восстанавливается, я никогда не болею и не старею, но при этом я живая. Сейчас мне плохо, потому что уже давно не пила крови вампира, но когда она во мне, я никогда не чувствую боли, — девушка замолчала.

Кровь вампира! Так вот почему Жаклин смогла прожить так долго, оставаясь человеком! В этом всё дело! Кровь вампира — эликсир бессмертия?!

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе свою кровь? — спросил я Ратри.

— Нет, — поспешно ответила она, — не сейчас.

— Почему?

— Потому что ты ещё не готов принять мою.

Я подошёл и сел на край её кровати.

— Ратри, я не знаю, будет ли это правильно, — тихо проговорил я и, протянув руку, коснулся пряди её волос. — Особенно после того, что ты рассказала.

— Ты боишься стать зависимым? — произнесла она и подняла на меня свои глубокие, как омут, глаза. — Ты не уверен, что я нужна тебе?

— Не в этом дело. Я слишком много терял в своей жизни, она опасна и непредсказуема. Я боюсь увлекать тебя в её гибельную пучину. Тьма

окружает меня со всех сторон.

— Но ты сильный и смелый, я верю в тебя и не хочу уходить. Я хочу разделить с тобой все тяготы и опасности твоей жизни, — девушка потянулась ко мне, одеяло скользнуло с её плеч, обнажая прекрасное тело...

Как это случилось? Что произошло? Я не знал ответа на эти вопросы. Но всё было легко и прекрасно. Так, как это и бывает, наверное, в первый раз у обычных людей.

— Я говорила тебе, что мы созданы друг для друга? — прошептала Ратри.

— Нет. Но теперь я в этом уверен, — ответил я, целуя её ушко.

Глава 3

Время перестало для меня существовать. Находясь рядом с Ратри, я забыл обо всех бедах, преследовавших меня до сих пор. Она была весёлой и непредсказуемой. Каждый день девушка преподносила сюрпризы: то просила показать ей местные горы, все, до единой, и мы носились по утопающим в летнем наряде вершинам, спускались в ущелья и любовались водопадами. То часами танцевала в сшитых ею нарядах, под цокот кастаньет или маленького цыганского бубна. Или представала перед моим восхищённым взглядом

индийской танцовщицей с бубенчиками на ножных браслетах. И если бы не моя тревога за пропавшего в лесу Ишу и нарастающая с каждым днём тяга к крови Ратри, то не было бы на свете человека счастливей меня.

Сначала я загонял свою жажду глубоко внутрь себя и не позволял ей портить мне жизнь, но со временем это перестало помогать. Ратри всё больше завладевала мною. Близость с нею становилась жизненной необходимостью, я не мог и часа провести вдали от нее. Мне нужно было видеть её, прикасаться к ней, чувствовать её запах. Меня мучили непрерывные мечты попробовать её кровь. Сначала робко, потом всё настойчивей я начал просить Ратри дать мне хотя бы каплю, объясняя это тем, что хочу навсегда соединить наши жизни. Ратри обещала, но всё время откладывала исполнение данного слова.

Однажды, забравшись далеко в горы, мы попали на необычное место. Лес, как усталый путник, не сумевший подняться на такую высоту, уютно устроился у подножия горного хребта. Каменные утёсы образовали неприступный котлован, в котором плескалось небольшое озеро. Над его синей водой навис гранитный козырёк с ровной, как будто отполированной поверхностью. Вид, открывшийся с этого места, был просто потрясающим. Горы, поросшие лесами, серый

туман, клубящийся на их вершинах, серебристые ленты рек, сверкающие под лучами заходящего солнца.

Ратри встала на самый край козырька и, раскинув руки, мечтательно взглянула на небо.

— Это очень древнее свящённое место, — прошептала она едва слышно, — и мы нашли его, Мишель.

— Так ты не просто гуляла по горам, ты искала именно это место? Почему не сказала мне об этом раньше?

— Потому что это тайна за семью печатями, — раздалось неожиданно позади меня.

Я обернулся. На каменном горбу, выступавшем из кустов папоротника, стоял странный человек. Высокий, богатырского телосложения. Его тёмные длинные волосы были стянуты на макушке в тугий узел. Одет он был в странный для современного человека кожаный наряд. На груди висел железный щит, на котором солнечный луч стрелой пронзал поверженного вампира.

— Чёрный Охотник! — выдохнула Ратри. Её лицо стало белым, как мел.

— Ты думала скрыться от меня? Надеялась, что я не смогу отыскать тебя в этих лесах, танцовщица?

Я не стал ждать продолжения разговора.

Мысль о том, что этот человек может убить мою Ратри, вспыхнула в груди огненным взрывом ненависти. Зарывав, я ринулся на него, выхватив из ножен кинжал.

Охотник крепко схватил мою кисть, вывернул, заставив бросить кинжал, и оттолкнул меня в сторону:

— Не сегодня, — прорычал он и направился к застывшей на краю пропасти Ратри.

Я вскочил на ноги, поднял кинжал и глухим от бешенства голосом произнёс в спину врага:

— Повернись к своей смерти лицом, чёрный стервятник.

Охотник неспешно развернулся, в его глазах мелькнуло удивление. Он, не отрываясь, смотрел в мои глаза, затем медленно вынул длинный, блеснувший на солнце холодным отсветом нож и, пригнувшись, приготовился к нападению.

— Вампир, сражающийся древним оружием, — прошипел он, — я слышал о тебе. Посмотрим, так ли ты силен и ловок, как говорят о тебе легенды.

Я ничего не сказал в ответ, а, сделав стремительный бросок в сторону охотника, занёс над ним клинок. Он отклонился в самый последний момент и отвёл мою руку с кинжалом левой, закованной в стальной нарукавник рукой. Одновременно с этим он замахнулся своим ножом,

намереваясь нанести удар сверху вниз. Перехватив его руку, я с силой ударил его головой в лицо. Он отскочил в сторону, на его губах показалась чёрная кровь. Мои глаза налились яростью. Губа приподнялась в зверином оскале, показывая выросшие клыки, когти нацелились в грудь врага.

— Веселье начинается, — усмехнулся охотник, — ну, что ж, позабавимся.

Он пригнулся и пошёл по кругу, выставив перед собой нож. Несмотря на огромный рост, широкую грудь, бычью шею и квадратные плечи, движения его были легки, как у кошки.

Я видел, что передо мной не простой смертный. Его чёрная кровь имела особенный запах. Сила, с которой он остановил мою руку, тоже говорила об этом.

Чёрный сделал ложный выпад, но я не поддался на этот трюк и, отойдя чуть в сторону, ударил кинжалом его по руке, нанеся неглубокую рану. Он сделал стремительный рывок, я отклонился, пропустив его мимо себя, и вновь приготовился к броску. Отбив ещё два нападения, я сам пошёл в атаку, но он с лёгкостью её парировал. И вдруг неожиданно охотник прыгнул в мою сторону и нанёс стремительный удар. Лезвие срезало кусок от моего камзола, задев кожу. Не останавливаясь, охотник бросился на меня и сбил с ног. Резко вскочив, я выбил ногой из его рук

оружие и, обхватив за пояс, рванулся с ним к пропасти. Мы упали на острые камни у самого озера. Из его груди торчал мой кинжал, вонзённый по самую рукоять. Охотник тяжело дышал, широко открывая окровавленный рот.

— Не танцуй, — прохрипел он, булькая кровью.

И вдруг его тело обмякло, превратившись в густую чёрную жижу, просочилось сквозь камни и исчезло.

Я поднялся наверх. Ратри стояла у самого края скалы и, прижав руки к груди, дрожала всем телом. Увидев меня, она бросилась мне на шею и заплакала:

— Я так испугалась за тебя. Я так испугалась, — приговаривала она сквозь слёзы.

* * *

Три месяца лета пролетели незаметно. Пришла осень. Леса надели праздничный наряд из жёлтых и багровых шелков. Озёра сменили голубизну своих глаз на темно-синий цвет. Небо сердилось и всё чаще хмурилось тёмными тучами.

Дождь лил уже третий день. Ветер срывал пожухлые листья с деревьев парка и кружил с ними в последнем смертельном танце. Наступил ранний вечер. В доме было тихо, тепло и уютно. В камине

пылал огонь. Я сидел в кресле и смотрел на Ратри, застывшую у окна, как прекрасное изваяние. Иша вернулся, наконец, из леса и всё время находился рядом со мной, как будто старался уберечь от какой-то опасности. Он перестал рычать на Ратри, но держался от нее в стороне и всегда был настороже.

— Приближается час, который я так долго ждала, — тихо проговорила Ратри.

— Час, в который ты, наконец, примешь моё предложение, любимая? — спросил я.

— Да, Мишель, я приму твоё предложение, но в этот час и ты должен будешь принять моё. Мы, наконец, соединимся в единое целое, не только телами, но и кровью.

— Когда же наступит это время? — спросил я осипшим от волнения голосом. Спазм нахлынувшей жажды сжал горло железными тисками.

— Скоро. Но прежде я хочу рассказать древнюю легенду. Она позволит тебе лучше познать всю огромную важность нашей встречи. Ты же знаешь, любимый, — в этом мире не бывает случайностей, — Ратри обернулась ко мне, и я увидел, как блеснули её черные глаза. В них было что-то совершенно незнакомое.

Иша поднял голову и беззвучно оскалил зубы.

Ратри вышла на середину комнаты. Огонь в камине вспыхнул ярким пламенем, и комната на

миг озарилась алым цветом. И вдруг Ратри преобразилась. Теперь это была не юная девушка, а прекрасная танцовщица в индийском одеянии. Её голос зазвучал тихой прекрасной мелодией, под звон колокольчиков на ручных и ножных браслетах:

— Наша вселенная, созданная Всевышним Господом, материальна. Она подвластна закону Времени: всё рождается, живёт, стареет и умирает. И даже Брахма, призванный для управления ею, живёт всего лишь сто лет. Пусть они длятся 311 триллионов и 40 миллионов земных лет и кажутся фантастически долгими, беспредельными для его созданий, но по сравнению с вечностью они продолжаются не дольше, чем вспышка молнии.

У Брахмы есть день, когда он бодрствует, и ночь, когда он спит. День и ночь равны по своей продолжительности. По земному летоисчислению, тысяча эпох, вместе взятых, равна одному дню Брахмы — Кальпе, которая состоит из тысячи периодов в четыре юги: Сатья, Трета, Двапара и Кали.

В начале дня Брахмы, в Сатья-юге, все живые существа проявляются из непроявленного состояния, и затем, когда наступает ночь, они снова уходят в непроявленность.

Во время дня Брахмы его творения получают различные тела, живут, совершая какие-то действия

на высших и низших планетах материального мира. Но с приходом ночи Брахмы они все, бестелесные, пребывают в уплотнённом состоянии в теле Вишну. В конце концов, когда Брахма в следующую эпоху рождается снова, проявляются и они. Таким образом, дживы — души всего вещественного, оказываются пленниками материального мира.

Но в Причинном океане существует бесчисленное множество Брахм, появляющихся и исчезающих, подобно миражам в пустыне. Брахмы и их творения — это лишь малая часть материальных вселенных, и поэтому все они находятся в постоянном движении.

Танцовщица рассказывала и танцевала. Движения её были поразительно грациозны, изысканны и плавны. Её жесты, подобно словам, рассказывали древнюю индийскую историю о сотворении мира.

— Ратри, ты же апсара — небесная дева, танцовщица из чертогов Индры, — прошептал я поражённо.

Ратри, не отвечая, продолжила танец-рассказ:

— Но однажды на одной из звёзд в жизнь пришла джива, которая сохранила память о своих бесконечных перевоплощениях. Это был не простой аватар, а бунтарь, способный изменить существующий порядок. Он вознамерился прервать бесконечную череду жизней и смертей Брахм, их

дней и ночей. Низвергнуть Смерть с пьедестала и возвести на него Жизнь, приравнивая тем самым индивидуальные бессмертные сущности к Всевышнему и Непостижимому Господу.

— Но это невозможно! — воскликнул я ошеломлённо.

— Если он пришёл, значит, на это есть воля Всевышнего! Даже Брахма не способен противостоять власти Господа! — ответила нараспев Рамбха, продолжая танцевать. — Нет ничего постоянного, есть только движение. Материальный мир не постоянен, но существуют нематериальная форма жизни: душа-джива — бессмертна. Возможно, Господь рискнул и решил соединить два этих начала, сделав материальный мир неразрушимым.

— Зачем?!

— Чтобы посмотреть, что из этого выйдет! Реинкарнация душ оказалась малоэффективной. Мир не умеет ценить Любовь и постоянно скатывается в пропасть Кали-юги. Возможно, бесконечная материальная жизнь научит дживы чтить Добро. Представь, каково это непрестанно жить в кошмарах, порождённых своими же злыми помыслами?!

— Для этого существует ад.

— Да, но он не беспределен и тоже уничтожаем. Люди не слишком боятся его, забывая

при перерождении всё, что с ними там происходит.

— Наказание и учение бессмертием, — прошептал я тихо. — Что наверху, то и внизу. Мыслители древности давно знали об этом. Бесконечность всего материального — страшный дар Господа. Механизм уже запущен. Человечеству предстоит немислимое испытание, от которого нельзя будет скрыться. Как бы люди ни боялись смерти, их души знают: за порогом жизни их ждёт, в конце концов, отдых. Осмыслив пережитое, душа отдыхает, чтобы вернуться вновь и получить очередной урок. С бессмертием же у людей не будет возможности дожить до старости и умереть в надежде на передышку в другом мире. Многие ищут секрет бессмертия, но все ли решились бы принять этот дар? Я живу всего чуть больше ста лет, но и меня всё чаще посещают мрачные мысли, угнетённые тяжестью прожитых лет. Иногда хочется прервать этот бессмысленный марафон и уйти в небытие, чтобы спастись от бесконечного и мучительного бремени взваленного на меня испытания.

Если рецепт бессмертия будет найден, то всем существам ничего не останется, как только научиться жить по правилам Любви или скатиться в бездну бесконечного ада и уничтожить самих себя, на этот раз окончательно. Право выбора — всемирный закон!

— Ты понял идею Господа, — проговорила Ратри и продолжила рассказ. — Из жизни в жизнь приходил восставший джива в материальный мир. Он нёс свою идею, увлекая на этот путь всё больше душ.

В самом начале нашей Кальпы, в Са тья-ю ге, в созвездии Ориона родился очередной аватар неукротимого дживы.

Чтобы противостоять мятежному духу, Шива, уничтожающий жизнь, отправил по его следу своих демонов.

Чтобы противодействовать им, Вишну, сохраняющий жизнь, повелел Брахме поставить на страже этой вселенной четырёх локапалов — хранителей мира: Индру, бога грома и дождя, властителем Востока. Яму, бога смерти, повелителем Юга. Варуну, бога океана, владыкой Запада. Стражем Севера стал Кубера, хранитель сокровищ.

Каждый из этих богов заставил своих брахманов следить за событиями во вселенной. Вскоре аватар был найден. На Ардре разразилась война. У дживы было много сторонников, он был воплощён в младшего сына правителя звезды. Много лет длилось кровавое противостояние, и тогда было принято решение спрятать его на нашей, тогда ещё очень молодой планете, находящейся в самой отдалённой части вселенной. В конце

Трета-юги он был переправлен сюда вместе с тремя братьями — телохранителями. На Ардре родственные отношения отличаются от наших. Там во главе государства стоит младший из рождённых сыновей. Старшие, пройдя долгий путь обучения, становятся его советниками и соправителями. Таким образом, в управлении страной участвует вся семья.

И вот посланник Творца живёт в нашем мире, рождаясь и умирая в человеческом теле, не зная до поры, какая участь ему уготована.

Для того чтобы найти и пробудить его, Брахма создал и отправил в путь целый народ — род неприкасаемых — цыган. Долгие века бродят они по земле, впитывая в себя знания и веру разных народов. Могучей силой ясновидения и магического ремесла наделил их Всевышний, чтобы могли они узреть истинную суть людей и найти спящего аватара.

— Но кто может точно знать, что произошло в столь давние времена? — спросил я Ратри. — Возможно, это всё сказки, выдумка древнего летописца.

— Люди не помнят, но помнят мудрецы. Те, кто преклоняется перед богами, нетленными и вечными, существующими и несуществующими, перед теми, кто есть вся вселенная. Великим этим мудрецам даровано знание, — ответила напевно

Ратри, — что в последнее время Земли, в эпоху Кали-юги, придут четыре брата — их четыре материальных воплощения, дабы воссоединится в одно целое и уберечь этот мир от очередного истребления.

И сейчас пришёл час соединиться четырёх братьям — аватарам, чтобы уберечь праведных в последний час Земли. Каждый из них живёт в своём времени и пространстве, в своей реальности, но лишь одному из братьев суждено найти и объединить всех! Великая мощь родится в нём, когда сольёт он все четыре их ипостаси в единое. У одного брата он возьмёт знание, у другого силу, у третьего великую и бескорыстную Любовь.

Я слушал танцовщицу и думал о том, чем для меня всё это закончится.

— Многие сущности со всех концов вселенной бросились на поиски братьев. Мир раскололся на части. Если найти хотя бы одного из них, то всё кончится. Поэтому их ищут и враги, и сторонники.

— Но ты же сказала, что здесь лишь их аватары, то есть материальные воплощения. Разве убийство может быть препятствием? Убьёшь в одном теле — родится в другом.

Я вспомнил красноглазого, уничтожавшего младенцев рода де Морель. Теперь понятно, какую цель преследовали те, кто его послал.

— Ты не понимаешь. Конечно, душу невозможно убить, но её можно поработить, отяготить греховными делами настолько, что она не будет способна мыслить, помнить своё предназначение.

— Чего же ты хочешь, Ратри? — я встал и, взяв танцовщицу за плечи, заглянул в её глаза. — Зачем ты появилась в моей жизни? Чтобы уберечь или погубить?

— Я думала, это и так понятно, — прошептала она. Тебя опознал Индра — Великий Вязальщик. Варуна исследовал твою душу и нашёл её безупречной, Агни разорвал путы Найти, удерживающие её, Кали — прародительница бессмертных вернула её тебе. Ты обрёл способность проникать в своё прошлое и вспоминать о том, что с тобой было. К Брахме был отправлен жертвенный младенец с твоим именем на груди. Плывя по безбрежным просторам земного океана, он должен был перейти в небесный, но младенец исчез, и весть о твоём появлении запоздала. Поэтому ты был потерян. Боги направили на твои поиски своих кшатриев и цыган. Но силы Зла тоже рыскали по земле. Им удалось найти тебя раньше, и ты был осквернен.

— Девушка и её братья, заставившие меня выпить человеческую кровь?! Амар — жертвенный младенец, и амулет на его груди был не с его, а с

моим индийским именем?! — ахнул я пораженно.

— Да. Демоны часто порабощают человеческие тела, чтобы творить на земле зло. В девушке и ее братьях был Дандхуви и его подручные. Он же заставил тебя отпустить Уму твою наречённую, душа которой охраняла тебя.

— Но это была душа Дианы, мы христиане.

— Поверь, Мишель, разные религии находятся в своих мирах, но они могут общаться, когда нужно. Если приходит беда — приходится находить общий язык. И потом, у всех существей единый Господь, просто люди об этом забыли. Демоны постарались. Разве у вас нет упоминания о четырех братьях? Помнишь? Четыре верховных архангела. Четыре всадника апокалипсиса. Эти ангелы есть и в исламе и даже под теми же именами! В буддизме — Четыре Благородные Истины. Четыре хранителя мира в индуизме. Так что весть о братьях с самого начала мира ходит среди людей.

Ратри, не обращая внимания на Ишу, присела у моих ног. Он с тихим ворчанием отошел в сторону и лег, напряженно вслушиваясь в наш разговор. Ратри взяла мои руки и заглянула в глаза:

— Я люблю тебя больше жизни, Мишель. Нужна не малая отвага, чтобы противостоять врагам, но необходимо ещё большее мужество, чтобы уйти самому и не множить зло на земле. Ты

прошел свой земной путь и должен вернуться к первоисточнику, чтобы на твоё место пришел другой. Наши поступки имеют последствия, подобно волнам от брошенного в воду камня. Они влияют на настоящее и будущее не только наших судеб, но и всей вселенной. Приумножая зло, мы убиваем свет в этом и других мирах. А твоя духовная сущность столь сильна, что её влияние несоизмеримо больше любой человеческой судьбы. Ты должен освободить землю от своей темной кармы. Пройдёт время, и ты вернёшься, чтобы выполнить своё предназначение. Я буду ждать тебя и всегда буду рядом. Верь мне, любимый.

Я смотрел в глаза Ратри и думал о том, что вот и пришел мой последний час. Было ли мне страшно? Нет, скорее совестно от того, что так бездарно потратил отпущенный мне срок. Ратри права: нужно уйти, чтобы дать возможность другой дживе выполнить волю Всевышнего.

— Когда назначенный срок? — спросил я спокойным голосом.

Ратри улыбнулась и прошептала:

— Я не ошиблась в тебе, любимый. Вся вселенная замерла в ожидании твоего решения. Планеты собраны, и сегодня в полночь встанут в ряд, чтобы указать тебе путь. Луна закроет свой лик, чтобы ты смог лучше увидеть сияние родной звезды — Ардры, которая ждёт возвращения сына.

— Я готов.

Иша поднялся на ноги и грозно зарычал, вставая между мной и Ратри. Я присел перед ним и, обхватив его голову, прижался к ней лбом.

— Прощай, друг. Джек завтра вернётся из Нью-Йорка и отпустит тебя. А сейчас, прости, — я ухватил Ишу за загривок и втолкнул в свою комнату, запер дверь и положил ключ на столик. — Мы можем идти.

— На священное место нас доставит Атер. Но ты не должен брать с собой оружие. Боги не любят строптивых. Ты должен прийти с покаянием и поэтому безоружным и покорным.

Я удивлённо взглянул на Ратри. За все сто лет я ни разу не расставался с клинком, сделанным мне Тибальдом из прута Лорда. Бросить его дома и остаться невооружённым, было странно и как-то тревожно.

— Поверь мне, Мишель. Я буду рядом. Тебе ничего не грозит.

Я снял ножны и положил кинжал рядом с ключом. Иша взвыл за дверью и стал бросаться на неё, царапая когтями.

Через несколько минут Атер опустился перед ровной площадкой гранитного козырька. Ветер гнул деревья, завывая в их ветвях. Рвал в клочья чёрные тучи, проносящиеся по ночному небу. Мелкий дождь бил в лицо.

Ратри встала на самый край природного алтаря и взмахнула рукой. Тучи над ней остановились, как будто натолкнулись на невидимое препятствие, и стали медленно обходить его, образуя пространство, в центре которого засияла полная луна. Её лучи ровным потоком устремились на площадку, освещая танцовщицу, которая стояла теперь в ослепительно белом сари. На её голову было брошено лёгкое белоснежное покрывало, покрытое обильной золотой вышивкой с изысканными пышными цветами. Её волосы, лицо, руки были увешены украшениями из белого золота с сияющими бриллиантами.

Ратри начала медленный ритуальный танец. Откуда-то сверху полилась дивная мелодия, заглушая завывание ветра. Лёгкость ткани, прихотливые скользящие движения, таинственное мерцание золота делало танцовщицу волшебной красавицей.

Я стоял и заворожённо смотрел на это чудо, позабыв, зачем оказался здесь. Ратри, не прерывая танца, взяла меня за руку, ввела в освещённый круг и закружила по алтарю. Её взгляд притягивал мой взор, словно магнит. Я не мог отвести глаз, погружаясь в чёрную пучину и не замечая окружающего. Все уплывало, растворяясь в дивном кружении танца, мелодии, её глазах. Мы медленно поднялись над землёй. Призрачный свет начал

меркнуть — наступало лунное затмение.

Ратри развернула мою руку и, вытащив из волос длинную золотую заколку, кольнула в запястье. На коже появилось маленькое гранатовое зёрнышко. Затем она проколола своё запястье. На молочно-нефритовой коже заалела живая капелька крови. Её запах поверг меня в исступление, которое я никогда прежде не испытывал. Ратри протянула мне руку. Сознание медленно покидало меня. Теперь я видел только приближающуюся к моему рту алую капельку, чувствовал её пленительное притяжение.

— О Аджашринги, священная трава, я прогоняю тобою апсару. О Аджашринги, прогони демона, отпугни его своим запахом! Апсара, в озерную воду... Уходи туда, апсара, тебя узнали! — в мелодию танца ворвался сильный грубый мужской голос. — О Аджашринги, орёл тебя нашёл, вепрь вырыл из земли. О корень, порази злодейку, срази колдунью! Ту, кто хочет навредить, убей, убей её! Корень, не щади!.. Да поразит зло ту, кто его насылает, да вернётся оно к самой апсаре. Как повозка катится легко, так пусть катится вред к вредителю!.. Ступай, как сын к отцу, злая порча! Ужаль её, Аджашринги, как змея! Верни зло ведьме, как возвращается на родину беглец из плена!..

Грозные слова врывались в моё сознание,

разгоняя туман, заволакивающий разум. Я с трудом оторвал взгляд от запястья Ратри и оглянулся. Далеко внизу к алтарю шли три человека. О'Байл нёс в руках большой пучок травы и кореньев, которые курились каким-то густым красным дымом. Орианна несла в высоко поднятых руках круглый щит. Арс шёл с чашей, полной соли.

— Выйду я в поле чистое, поклонюсь Солнцу, пойду искать крепкий щит от всех врагов, — читала заклинание Орианна. — Долог ли путь, коротка ли дорога — найду щит. Всем он хорош: дубовый, железом окован. Встану я у Дуба-дерева и молвлю: «Ты, Царь-Дуб, священное дерево! Ты могуч и до неба ветвями достаёшь, а до подземелья корнями, передай щиту свою силу. Укрой нас под своей защитой. Чтоб не портить людей демонам да не изводить их своей магией...

— Соль священная, вбери в себя всё чёрное зло, чары демонские, слова приворотные. Ветры буйные, унесите чары в леса, дремучие, далёкие. Воды быстрые, утопите их в воде глубокой. Спали их, солнце красное, ясное, — приговаривал Арс и рассыпал соль по кругу, образованному лунным светом. — Да будет так не день, а век.

Орианна подбросила щит, Олифф кинул в центр лунного круга дымящийся пучок травы.

Вой ветра ворвался, заглушая стихающую мелодию танца. Голос Ратри, взволнованный и

умоляющий, окликнул меня:

— Мишель, не слушай! Мы так долго ждали этого. Возьми мою кровь! — она выхватила заколку из волос и полоснула ею по своей руке. Кровь полилась ручьём, оглушая меня запахом.

— *Adjure te, spiritus nequissime, per Deum omnipotentem,* — начал читать Олифф католическую молитву, изгоняющую дьявола.

— Мишель, не слушай! Не смотри на неё, — воскликнула Орианна, — смотри на меня!

Я с трудом оторвал взгляд от окровавленной руки танцовщицы.

— Мишель, дай мне свою руку, — умоляла Ратри, — возьми мою кровь!

Арс в это время читал другую древнюю молитву:

— Боже богов и Господь господствующих, в мудрости своей создавший небо, землю и всё, что в них, и силы бесплотные. Тебя не видел никто из людей, и видеть не может. Перед Тобою трепещет и Тебя страшится всё творение Твоё. Ты некогда низверг на землю и в глубины преисподней главу небесных сил, гордостью вознёсшегося и непослушанием оставившего своё служение, и оступившихся с ним ангелов, ставших бесами. Дай заклинанию этому, совершаемому во Имя Святое Твое, быть стеною для него, злого повелителя, и для всех помощников его, павших с ним с высоты

света...

Две силы тянули моё сознание в противоположные стороны.

Я смотрел на Ратри, на кровь, льющуюся с её запястья, и мне до иступления хотелось отведать её. Но сила молитвы удерживала меня. Я чувствовал её физически.

Лицо Ратри изменилось: всё ещё прекрасные черты вдруг стали жёстче, резче. В глазах появился лихорадочный блеск, отливающий красным. Её красивый рот скривился в мучительном оскале. Она дрожала, собирая остатки покидающей её силы.

О'Байл читал заклинание и рисовал вокруг светлого пятна ключ Соломона, удерживающий демона:

— О Дух, я заклинаю тебя силою, мудростью и добродетелью Духа Бога, Его великой милостью, его величием и святым именем Бога Eheieh, которое есть причина и источник всех других Имён, дающих жизнь, и его добродетелью, которое призвал Adam и приобрёл знание всех скрытых вещей. Во имя Adonai Бога всемогущего и вечного возвращайся туда, откуда ты пришел...

— Мишель, твой кинжал! Только он сможет убить её! — прокричал Арс.

Я машинально схватился за пояс, но ножны с оружием остались в доме.

Ратри метнулась в сторону, но стены

созданные ключом Соломона оказались прочными, и её отбросило на землю. Лунное затмение прошло. Круг вновь заливали серебряные лучи ночного светила. Ратри выставила перед собой руки и начала громко, почти выкрикивая, читать заклинание, разрушающее ключ:

— *Spiritus immundi, ungula rum serum imitate paulatim iram. Domina, persona carnis ossisque, toti mundi, trepidationais pennarum,...*

В это время рядом со мной мелькнула тень, и появился Иша. В его зубах был кинжал. Ратри умоляющее смотрела на меня и продолжала читать заклинание. Я медлил. Но вот невидимые стены стали рушиться, и порывы ветра вметнули златотканое полотно на голове танцовщицы.

— Мишель, — умоляюще позвала она, — ты должен принести камень и воду.

— Я не могу, Ратри, — прошептал я.

Её лицо исказила злобная гримаса. Она оскалилась и бросилась на меня с заколкой для волос. Я неосознанно поднял кинжал. Ратри остановилась, натолкнувшись на препятствие, и удивлённо посмотрела на чёрное пятно, медленно расплывшееся по белоснежному сари.

Лунный свет погас. Тучи вновь поплыли по небу, и стало темно. Дождь заливал лицо лежавшей на земле Ратри. Я опустился перед ней на колени.

— Не печальтесь, де Морель, демоны никогда

не были людьми. Они не способны на любовь, — сказал подошедший ко мне друид.

Я медленно поднял голову, стараясь вникнуть в смысл его слов.

— Вы правы: они не были людьми и не способны на любовь, — соглашаясь, кивнул я, — но вся беда в том, О'Байл, что я был человеком и не потерял способность любить.

Подняв мёртвое тело Ратри на руки, я не спеша пошёл в горы.

Глава 4

Похоронив Ратри, я несколько дней носился по океану на маленькой яхте, не желая ни с кем разговаривать. Но сегодня разыгрался ураган, и я был вынужден пришвартоваться к пристани, на которой меня ждали Иша и Арс.

— Прекращай хандрить! — встряхнул меня за плечи Арс, когда я выбрался на пирс. — У тебя нет на это времени! Сегодня же отправляемся в Италию. Я приготовил тебе сюрприз.

— Такой же, как с де Дожье? — спросил я угрюмо и поплёлся к дому.

— Не глупи! Де Дожье здесь ни при чем! — воскликнул Арс мне вслед. — И потом, я с ним разобрался. Оттуда, куда я его отправил, ни один демон не вытащит! Но ты должен, наконец,

заняться делом!

Я кивнул, не оборачиваясь.

Ратри говорила, что я нарушаю баланс между добром и злом, и я ей верю. Но если Богу было угодно оставить меня в живых, значит, я должен отработать данный мне шанс.

Орианна и О'Байл сидели у камина и тихо разговаривали, но когда я вошёл в комнату, замолчали.

— Как ты, Мишель? — спросила Орианна, подойдя ко мне и участливо заглянув в глаза.

Вот этого-то я и опасался: ненужных вопросов, участливого внимания, сочувствия.

— Все в порядке, не стоит обо мне беспокоиться, — ответил я сухо.

— Прости, — девушка отошла в сторону. — Нам нужно поговорить.

— Это ты прости меня за грубость, — спохватился я. — Так о чём вы хотели поговорить?

— Арс хочет отправиться с тобой в Италию, там у него приготовлен какой-то сюрприз, но он даже нам ничего не хочет говорить. Мы же считаем, что настало время для поисков меча и его хранителя. Нам удалось собрать сведения о нескольких легендарных мечах, о которых ходят легенды, — ответила Орианна. — Если интересно, Олифф тебе расскажет.

— Слушаю, — я сел в кресло напротив

друида.

О'Байл поставил на столик бокал с вином и посмотрел на меня долгим взглядом. Я поморщился.

— Мне не жаль ни тебя, ни твою подругу-апсару. Я не стану тебе сочувствовать, потому что ты напрасно потратил время, бегая за юбкой и проклиная свою участь. Ты слабак! И если бы не Орианна, я сам бы отправился на поиски хранителя меча. Возможно, он не такой размазня, как ты! — резко проговорил друид. — Но коль скоро Орианна хочет, чтобы ты сам взялся за дело, что, как она считает, выведет тебя, наконец, из хандры, изволь, я расскажу пару легенд.

Хотя меня очень его задели слова, я не стал заострять на них внимание. Отчасти он был прав и его упрёки справедливы. Я молча смотрел на огонь в камине, оставаясь внешне абсолютно спокойным.

— В мире много легенд, которые рассказывают о знаменитых мечах. Одна из них о девяти мечах пророка Мухаммеда, — продолжил Олифф. — Но, как я понимаю, нас интересуют только те, о которых говорят, что они посланники небес. В исламе таким мечом был легендарный Зу-ль-фака р. Сам пророк говорил о нем: «Меч — ключ небес и ада». По преданию, он был принесён для Али, зятя Мухаммеда, архангелом Гавриилом во время битвы Ухуд.